

ЭКОНОМИКА ДИКТУЕТ ПЕРЕМЕНЫ В РОССИЙСКОМ ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

Споры относительно судеб российской высшей школы не утихают. Масштабный эксперимент последних лет — Единый госэкзамен и особенно — программы использования государственных именных финансовых обязательств (ГИФО) только подливают масло в огонь. При этом в дискуссиях доминируют мифы и легенды. Попробуем разобраться, что происходит в системе высшего образования на самом деле.

Татьяна Клячко,
директор Центра
экономики
непрерывного
образования
Академии
народного
хозяйства при
Правительстве
России

Миф первый. Российское образование — лучшее в мире. Мы снабжаем кадрами весь мир, и масштабы утечки умов достигли угрожающих размеров. Вывоз «человеческого капитала» за рубеж исчисляется многими миллиардами долларов (а иногда в пылу полемики эти цифры возрастают и до триллионов).

Миф второй. Российское образование бесплатное, но в результате реформ его пытаются сделать платным и таким образом погубить. Платное образование сделает невозможным поступление в вузы детей из семей с низкими доходами — получать высшее образование будут только дети богатых.

В противовес этим мифам стремительно возникают контрмифы, которые можно для разнообразия и простоты восприятия назвать легендами.

Легенда первая. Российское образование стремительно деградирует. Мы быстро утрачиваем все свои прошлые позиции. Наши дети становятся неконкурентоспособными по отношению к своим сверстникам за рубежом. Мы губим нашу общеобразовательную школу, а следовательно, и высшую, ибо в неё приходят слабо подготовленные абитуриенты. 70% выпускников вузов не находят работу по специальности. Вузы готовят студентов «в никуда».

Легенда вторая. В вузы юноши поступают, чтобы избежать армии. Это резко деформирует спрос на высшее образование и не позволяет рационализировать ситуацию. Вузы поражены коррупцией. Всё высшее образование уже либо явно, либо неявно платное, и в высшей школе не столько учат, сколько торгуют дипломами. В скором времени Россию ожидает кадровая катастрофа.

И мифы, и легенды российского образования, с одной стороны, порождены общим изменением всех условий жизни — было бы странно, если бы эти изменения никак не отразились на образовании. Вместе с тем на переломе всегда приукрашивают то, что безвозвратно ушло в прошлое, и не принимают того, что приходит на смену. Это в общем-то две стороны одной медали. Кроме того, так совпало, что в России одновременно с общими переломными процессами в образовании начала формироваться принципиально новая модель высшего образования, которую нельзя осмыслить в старых терминах. И это также добавляет неразберихи и остроты проблеме трансформации системы образования, ибо понятно, что если изменится высшая школа, то и общеобразовательная должна будет измениться. И наоборот: смена школьной модели потребует изменения модели вузовской, модели профессионального образования. К сожалению, старый опыт даже блестящих когда-то вузов здесь не поможет.

В 1986 г., когда перестройка в Советском Союзе набирала силу, академик С.С. Шаталин «запустил» начало работ, анализирующих состояние тогдашней социальной сферы, включая образование. В результате почти 20 лет назад был сделан вывод: советская система образования пребывает в состоянии латентного кризиса, что порождено как идеологическими причинами, так и тем, что образование (как и здраво-

охранение и культура) финансировалось по «остаточному» принципу. Нехватка ресурсов, естественно, порождала проблемы, которые к концу 80-х годов прошлого века уже трудно было игнорировать. Так что современные проблемы российского образования — это накопленные проблемы, долговременные, трудно решаемые. Экономический кризис 90-х годов только усугубил дело. Вместе с тем дефицит ресурсов привёл к резкой дифференциации условий, в которых действовали вузы, особенно если учесть различия в социально-экономическом положении российских регионов.

Мифы о прекрасном прошлом и бесплатности образования выполняли и продолжают выполнять вполне понятную роль — становятся обоснованием необходимости дополнительно выделять вузам бюджетные средства.

Легенды, напротив, нацелены на то, чтобы показать: простым увеличением бюджетного финансирования положения не поправить. Нужны внятные реформы, которые позволили бы удержать российскую высшую школу от сползания в пропасть. Бюджетные средства необходимы, но их не хватит, чтобы преодолеть давний и глубокий кризис. Нужна осмысленная и решительная модернизационная программа.

Бум высшего образования

После непродолжительного спада начала 90-х в России наблюдается ярко выраженный бум высшего образования. За последние 5 лет контингенты вузов почти удвоились, а приём в них за тот же период вырос в 1,5 раза.

В 2000 г., во многом знаковым для российского высшего образования, численность выпускников школ сравнялась с числом тех, кто был принят в вузы.

В 2002 г. приём в вузы уже на 200 тысяч человек превосходил выпуски из школ. Наряду с приёмом на очное отделение рос приём и на заочное, который в 2002 г. достиг 40% от общего приёма. Эти тенденции сохранились и в 2003—2004 гг.

В 2000 г. сравнивались численности тех, кого вузы приняли на 1-й курс на бюджетные места (т.е. бесплатно), и тех, кто поступил в вузы на платной основе.

В 2003/04 учебном году доля первокурсников, обучающихся на платной основе в государственных и негосударственных вузах России, достигла 57%. В общей численности студентов государственных вузов удельный вес платного контингента превысил 45%. В результате если учитывать государственный и негосударственный секторы высшего образования, то доля тех, кто обучается в вузах России на платной основе, перевалила за 50%. Нетрудно понять, что эта тенденция очень слабо связана с усилиями реформаторов после 2000 г.

Социологические исследования показывают: 89% респондентов в возрасте 15—35 лет считают, что высшее образование иметь необходимо, общество рассматривает его как социальную норму. Более того, идёт активное становление новой социальной нормы, согласно которой для успешной карьеры надо получить два высших образования. Так считают 20% респондентов, причём в крупных городах их уже 25%, а в семьях специалистов — 28%.

В 2002 г. в России было 369 студентов государственных вузов на 10 000 населения. На бюджетной основе учились уже 219 человек (законодательно установленная норма — 170 студентов госвузов на 10 000 населения). При этом бюджетное финансирование в расчёте на 1 студента-бюджетника не превышает даже на дневном отделении 22 тысяч рублей в год. Если говорить о рациональной потребности в средствах, то бюджетные ассигнования, несмотря на рост государственных расходов на образование в последние годы, покрывают примерно 25%. Но при дефиците ресурсов увеличивается число государственных вузов. Их в 2003 г. было более 600. Кроме того, в 2002/03 учебном году в Российской Федерации действовало 1370 филиалов государственных вузов и 326 — негосударственных.

В чём причина этого на первый взгляд парадоксального явления?

Можно было бы ответить просто: спрос рождает предложение. Но было бы логично, чтобы это предложение имело, прежде всего, «негосударственный» характер. Число негосударственных вузов, конечно, в России быстро росло в последние годы, но их контингент не превышает 13% от общей численности студентов, более того, эта доля стала сокращаться. Работодатель традиционно ценит диплом «государственного образца», поэтому негосударственные вузы в основном возникают в симбиозе с государственными. И если территориальная мобильность молодёжи невелика, то в соответствующем регионе волей-неволей в ответ на спрос населения должен появиться государственный вуз. Далее он будет «обрастать» негосударственными, обзаводиться филиалами и т.п.

Но есть и другие причины помимо спроса. Если в среднем по России на 10 000 человек приходится 369 студентов, то в некоторых субъектах Федерации эта цифра значительно выше. Так, в Республике Адыгея она вплотную приблизилась к цифре 400. Аналогичная ситуация в Дагестане и Северной Осетии — Алании.

В этих республиках вузы всё больше выполняют роль «сейфов», куда молодёжь «сдаётся» на 5–6 лет, поскольку иного применения ей в этих регионах трудно подыскать. Тем самым несколько уменьшается социальная напряжённость, сдерживается и молодёжная безработица, которая в этих субъектах Федерации может породить крайне опасные процессы. Однако необходимо учитывать, что «сейфовая» функция высшего образования отнюдь не беспредельна, а отложенные проблемы рано или поздно придётся решать.

Ещё одна причина роста числа вузов и студенческих контингентов — экономическая. Нехватка средств привела к тому, что вузы стихийно стали эксплуатировать стратегию экстенсивного развития, увеличивая численность и бюджет-

ного, и платного приёма, с тем чтобы экономить на масштабе.

Но резкое увеличение количества закономерно повлекло за собой смену качества. Совокупность разрозненных процессов в сфере высшего образования привела к тому, что в России стала постепенно оформляться принципиально новая модель высшей школы.

Всеобщее или общее высшее образование?

В российском высшем образовании можно выделить три подсистемы. Это массовое, престижное и высококачественное профессиональное высшее образование.

Массовое высшее образование компенсирует многие недостатки современной общеобразовательной школы. Такое высшее образование делает излишним, на наш взгляд, намечаемую профилизацию старшей школы. Именно профилизация, хотя и в несколько искажённых формах, осуществляется сейчас в рамках *общего* высшего образования. При этом примерно четвертой части студентов даётся и профессиональное образование достаточно высокого качества, а ещё 5–10% получают престижное образование: его получение даже при *не очень высоком* качестве позволяет занять высокооплачиваемые по российским меркам рабочие места, а затем претендовать на *дорогое профессиональное образование*. Престижное образование становится пропуском к престижным рабочим местам, позволяющим затем за *собственный счёт* или *за счёт работодателя* получить высокую профессиональную квалификацию.

Вместе с тем в высшем образовании до сих пор сохраняются формы прежней системы подготовки специалистов, что поддерживает в обществе устаревшие представления об эффективности ранее действовавшей модели высшего образования и непродуктивности нынешней системы. Высококачественное, востребованное профессиональное образо-

вание, которое получают лишь в 20—25% отечественных вузов, позволяет сохранить иллюзию «лучшего в мире советского российского, а прежде советского образования», поскольку находит спрос в других странах. При этом в работающем *мифе* не учитываются ни масштабы доводки этого образования до нужных кондиций в зарубежных системах образования (программы магистратуры, различные курсы), ни то, что многие из уехавших работать за рубеж затем меняют профессию. Но и в России образование, которое мы назвали «высококачественным профессиональным», всё больше «обкладывается» программами дополнительного образования, делающего его востребованным и конкурентоспособным. Например, специалисты по информационным технологиям проходят специализированные курсы компании «Microsoft» или других компаний аналогичного профиля, что позволяет им успешно работать по полученной в вузе специальности в отечественных фирмах или получать работу за рубежом¹.

Многие парадоксы общественного сознания, о которых упоминалось выше, в частности, установление новой социальной нормы, когда для жизненного успеха надо иметь два высших образования, в значительной мере отражают тот факт, что массовое высшее образование всё более становится пропуском в мир профессионального образования.

Таким образом, высшее образование в России постепенно приобретает черты общего образования, становится всеобщим как необходимый этап социализации молодёжи. И эти процессы требуют соответствующего оформления, чтобы не возникало представлений о переизбытке высшего образования, о его низком качестве. Пора признать — и отказать от дорогих сердцу мифов, — что мы уже имеем дело с *другим высшим образованием с другим качеством*. Его нельзя мерить прежними мерками — это образование выполняет совершенно иную социальную роль. А на базе всеоб-

щего общего высшего образования идёт становление нового профессионального образования — элитного, непрерывного.

Такое разделение соответствует потребностям нового рынка труда, когда значительная часть занятых в экономике будет занята *в сфере услуг*. В этой сфере к труду предъявляются совершенно другие требования по сравнению с трудом в индустриальной системе. Здесь на первый план выходят навыки общения, общая культура и культура труда, управленческая и организационная квалификации. Соответственно, мы постепенно приходим к тому, что для этого рынка труда надо учить 3—4 года, *но учить по-другому и учить другому*. Фактически именно этим сейчас и занимаются многие высшие учебные заведения.

Можно ожидать, что в ближайшем будущем начнётся оформление в явном виде тех процессов, о которых идёт речь. Из системы высшего образования выделится то, что в развитых странах называется бакалавриатом, — практически всеобщее высшее образование. Очень возможно, что для большинства российских студентов оно будет бесплатным. Те, кто получит это образование, смогут работать в сфере услуг, менеджерами среднего звена.

Следующий уровень высшего образования станет профессиональным — уровень квалифицированных инженеров, врачей, научных работников. Это будет магистратура, и она, скорее всего, в основном станет платной. А ещё выстроится корпус профессиональных программ, которые можно будет получать всю жизнь — по мере необходимости.

Как любая социальная дифференциация, этот процесс неприятен. Ведь только-только население начало получать возжеленное высшее образование. Общество тем самым поднялось в образовательной сфере на новую ступень. Произошло это слишком рано для России с её экономическим потенциалом или своевременно — ответить однозначно трудно. Но известно: «всё действительное — разумно». **НО**

1

Но не всякое образование, которое в России рассматривается как элитное и позволяет занимать в стране престижные рабочие места, котируется за рубежом. Так, дипломы Московской государственной юридической академии, многих известных российских экономических вузов, весьма ценные в России, практически неконкурентоспособны за рубежом.